

УДК 81.42
DOI 10.17223/18137083/65/23

А. А. Рачёва

Иркутский государственный университет

Дейктические единицы «здесь», «тут» и «там» в устной речи: маркирование дискурсивных процессов*

Статья посвящена исследованию функционирования в устном дискурсе дейктических единиц с пространственной семантикой *здесь*, *тут* и *там*. На материале глубинных интервью с жителями Иркутска рассмотрено соотношение пространственных и непространственных употреблений для каждой из единиц. Выявлены и описаны функции непространственных употреблений. Особый интерес в рамках предпринятого исследования представляют функции *здесь*, *тут* и *там*, связанные с организацией и контролем дискурса. Проведенный анализ позволил установить, что для *здесь* характерны почти исключительно пространственные употребления, тогда как для *тут* и *там* они составляют около половины от общего числа вхождений. *Тут* и *там* в непространственных употреблениях в ряде случаев могут маркировать различные дискурсивные процессы.

Ключевые слова: дискурс, устная речь, устный дискурс, дейктические единицы, дискурсивные функции.

Последние два десятилетия дискурсивно ориентированные исследования являются одним из главных направлений лингвистики. В центре внимания ученых оказываются проблемы выявления и описания структуры дискурса, а также функционирования в нем отдельных элементов (или типов элементов). В рамках данной работы нас интересует функционирование дейктических единиц с пространственной семантикой *здесь*, *тут* и *там*.

Описанию использования дейктических единиц посвящено значительное количество работ (см., например, [Апресян, 1986; Человеческий фактор..., 1992]

* Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (№ 28.9753.2017/8.9) и индивидуального исследовательского гранта Иркутского государственного университета № 091-16-222.

Рачёва Александра Андреевна – аспирант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия; aleksandracheva@yandex.ru)

и др.), но при этом функционирование единиц данного типа в естественной устной речи остается малоисследованным. Вместе с тем устная речь – это «исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка» [Кибрик, 2009, с. 6], обладающая принципиально иными свойствами по сравнению с письменной формой, что и обуславливает необходимость исследования функционирования дейктических единиц в устной речи.

Мы рассматриваем устную речь как дискурс, т. е. «коммуникативную ситуацию, включающую сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Кибрик, 1992, с. 289]. При этом анализируется особый тип устного дискурса – неподготовленное развернутое монологическое повествование о прошлом (и в некоторых фрагментах – о настоящем), контролируемое и направляемое самим интервьюируемым.

В качестве материала исследования использованы тексты глубинных интервью, записанные с 2009 по 2012 г. в рамках проекта «Устная история Иркутска». Тексты представляют собой развернутое повествование интервьюируемых (каждое интервью составляет около 60 мин звучащей речи) о собственном прошлом и прошлом семьи. Подобные естественные тексты значительного объема, продуцируемые в неофициальной обстановке, дают богатый материал для изучения различных явлений, характерных для устной речи, в том числе и для анализа функционирования дейктических единиц.

В рамках исследования проанализированы восемь интервью (общий объем текстов составляет 64 600 словоформ), количество употреблений *тут* и *здесь* в них сравнительно невелико: 130 вхождений *тут* и 123 *здесь*. При этом количество вхождений *там* в несколько раз больше – 747.

Цель данной работы – установить, какие типы употреблений анализируемых единиц в устном дискурсе оказываются наиболее частотными, а какие – периферийными, а также определить, какие функции данных элементов связаны с организацией и контролем дискурса.

Прототипической функцией подобных элементов является указание, см., например, дефиниции различных толковых словарей (Здесь. 1. ‘В этом месте’ [МАС; СОШ; Ушаков]; Тут. 1. ‘В этом месте, здесь [МАС]; ‘В месте, куда указывает говорящий’ [Ефремова, 2006]; Там. 1. ‘В том месте, не здесь’ [МАС; СОШ; Ушаков]). Вместе с тем в нарративном режиме употребления (под нарративным режимом мы в данном случае понимаем «сообщение адресату, возможно, потенциальному, каких-то сведений в особой повествовательной форме» [Новый объяснительный словарь..., 2000, с. 31]) данные единицы могут использоваться в анафорической функции, т. е. для отсылки к объекту, который уже был упомянут в предшествующем тексте. Однако, как показал проведенный анализ, подобные употребления далеко не всегда составляют абсолютное большинство.

Функционирование *здесь* и *тут*

Поскольку частицы *здесь* и *тут* – элементы близкого дейксиса, очень сходные как в своем прототипическом, так и в производных значениях¹, представляется целесообразным рассматривать функционирование данных единиц в сопоставительном аспекте. Отметим, что нас в первую очередь интересует анализ дискурсивного поведения единиц, подробное рассмотрение семантических различий синонимов *тут* и *здесь* представлено в работах [Гришина, 2012; Апресян, 2014].

¹ Временное значение ‘в это время, тогда’ отмечено как для *тут*, так и для *здесь* в [СОШ; Ушаков]; ситуативное значение ‘в этом случае, при данных обстоятельствах’ для обеих единиц отмечено в [МАС; Ушаков; Ефремова, 2006].

Прежде всего рассмотрим общие для *тут* и *здесь* типы употреблений. Сопоставление различных типов употреблений исследуемых единиц позволяет увидеть, что единица *здесь* используется для обозначения пространства (т. е. в анафорической и указательной функции: *вот мы приехали, здесь стройки начинались*) в абсолютном большинстве случаев: из 123 употреблений только пять являются, по всей видимости, непространственными (при этом при интерпретации двух из них возникают затруднения). Вместе с тем распределение употреблений *тут* показывает, что только в трех из восьми интервью собственно пространственных употреблений оказывается больше половины (*Какой был тут храм! Это я уже не видела, а вот Евгений-то мой еще видел*), во всех остальных случаях большую часть составляют непространственные употребления. Обратимся к рассмотрению непространственных употреблений *тут* и *здесь*. Еще одним общим для обеих единиц типом употребления становится использование в значении 'в этой ситуации, в этих обстоятельствах' (1)–(3)².

(1) *Но для меня родители были родителями, естественно. Почему? Потому что отец был все-таки в семье прогрессивным, мама была безграмотной. Она грамоты не имела. Ну тогда, естественно, женщины... да еще такая семья! Да какая грамота, что вы! Сейчас вот одного ребенка не хотят воспитать, а тут семья большая (Васильева).*

(2) *Она... у ней оказался рак почек, и она затянула, ей бы сразу надо было на операцию, а какая тут операция?! О себе что ли думала она? Тут раненых полно, возили этими... каждый день (Портянникова).*

(3) *Ну хотят делать, вот они сделали, с одной стороны, этот сто тридцатый квартал, как говорят, да? Но здесь нужно смотреть еще: красивые здания можно сохранить, но которые, извините, уже рухлядь, надо сносить, убирать, перестраивать (Жукова).*

Несмотря на то, что все используемые словари [СОШ; МАС; Ушаков; Ефремова, 2006] фиксируют данное значение и для *тут*, и для *здесь*, подобный тип употреблений оказывается относительно частотным только для *тут* (25 контекстов из 130, примеры встречаются во всех интервью), для *здесь* он является периферийным: найдено всего два аналогичных примера. Коротко остановимся на особенностях употребления *тут* в подобных контекстах. Во всех рассматриваемых нами примерах выражение с *тут* невозможно адекватно интерпретировать без отсылки к предшествующему контексту, где субъект речи описывает некоторую ситуацию. Невозможность интерпретации выражения с анализируемым элементом сближает данный тип употреблений с анафорическим. По всей видимости, наличие подобных употреблений определяется тем, что субъекту необходимо, с одной стороны, сегментировать дискурс, а с другой – установить связь между его элементами (т. е. *тут* в данном случае выполняет дискурсивную функцию). Интересно, что *тут* при этом используется интервьюируемыми в нарративном режиме при рассказе о собственном прошлом, т. е. о событиях, давно прошедших. Вместе с тем использование элемента, прототипически являющегося ближним дейктиком, создает эффект «актуального происшествия».

Анализ текстов интервью позволил установить, что различия между функционированием *тут* и *здесь* в устном дискурсе не исчерпываются частотностью тех

² Иллюстративный материал взят из корпуса социолингвистических интервью, хранящегося на кафедре русского языка и общего языкознания ИФИЯМ ИГУ. Здесь и далее в примерах курсивом выделены значимые для проведенного анализа фрагменты (в частности, в контекстах (1)–(3) это описание ситуации, обозначенной с помощью *тут* или *здесь*). В скобках указаны фамилии информантов.

или иных употреблений: для *тут* характерно бóльшее разнообразие значений, чем для *здесь*. В частности, в рассматриваемых текстах не зафиксировано ни одного примера использования *здесь* во временном значении, однако найдено 15 подобных контекстов с *тут*. В пяти подобных примерах используется сочетание *тут* с частицей *же* (4), (5), имеющее значение ‘тотчас же, сразу же’ (зафиксировано в [МАС]).

(4) Вата эта была воздушная эта, на улице *тут же* делали (Жукова).

(5) Да какой это... какая это... ммм... белиберда получается. *Тут же* строят и *тут же* затопят (Черепанов).

Во всех остальных случаях *тут* оказывается синонимично ‘сейчас, недавно’ (6).

(6) Ну что еще интересного в этой жизни? Вот дело в том, что эээ... *тут* эээ... стараются подрывать авторитет Победы. Посмотри, что вот по телевизору, а вот сейчас телевизор нет, а стараются показывать по телевизору американцы (Алексеев).

Данное употребление описала в своем исследовании В. Ю. Апресян: «*Тут...* требует, чтобы не только временной промежуток, о котором идет речь, включал в себя момент речи, т. е. мыслился говорящим как тот, в котором он сейчас живет, но и чтобы пространство, в котором происходит/происходило/произойдет событие, мыслилось говорящим как включающее его» [Апресян, 2014, с. 31]. Кроме того, ключевой в данном случае оказывается идея актуальности происшедшего события: «По-видимому, *тут...* относится либо к моменту речи, либо к такому моменту до или после момента речи, когда то, что произошло/произойдет, может быть актуально для настоящего» [Там же]. С этой точки зрения легко объясняются примеры, в которых *тут* в подобном временном значении отсылает к моменту, отделенному от момента речи значительным временным промежутком: события того времени оказываются настолько значимыми для говорящего, что представляются ему по-прежнему актуальными, связанными с настоящим.

(7) А спецфак выпускал э... этих... инженеров по разработке траекторий движения баллистических ракет. Ну мы, конечно... Война *тут*... значит, эта агитация еще такая: в армию идти да туда-сюда. А мы думаем: мы лучше специалистами станем, тогда будем помогать уже. Чему-то научимся полезному (Васильева).

(8) Вот знаете, ну подружки... вот дачу... когда мне *тут* с ногами-то так получилось... первую ногу отрезали, я дачу у своей соседки продала там... (Портянникова)

В (7) говорящий описывает события периода Великой Отечественной войны и при этом использует *тут* (см. также использование поддерживающего идею актуальности настоящего исторического: *А мы думаем: мы лучше специалистами станем, тогда будем помогать уже*). В (8) ампутация ноги, о которой говорит интервьюируемый, произошла за семь лет до интервью. *Тут* в подобных примерах становится одним из средств реализации стратегии когнитивного погружения в прошлое.

В десяти случаях *тут* используется в таксисном значении, формулируемом В. Ю. Апресян следующим образом: ‘в момент, близкий к другому моменту в прошлом’, см. (9), (10).

(9) И два мужика выходят. Один-то на козлах сидел. А второй-то, я что-то не знаю, откуда появился... с огромным сачком. Ну мы сразу... что они будут там

делать. А *тут* собака такая небольшенькая выскочила из подворотни (Поле-таева).

(10) Меня не хотели увольнять никак, пришлось на хитрость идти. Я пришла в управление железными дорогами, положила пачку на стол. И пошла. Вышла во двор – с меня течет молоко. *Тут* управитель-то вышел. Вы, говорит, ее скорей выписывайте: она молоком исходит (Поле-таева).

Как отмечено в [Апресян, 2014], *тут* в таксисном значении (в статье описывается устойчивое сочетание *и тут*, наиболее часто используемое в данном значении) имеет следующие семантические особенности: «Во-первых, *и тут* указывает на событие А2, которая возникает после наступления какого-то другого события А1 или возникновения ситуации А1»; во-вторых, «единица *и тут* указывает на непосредственное, немедленное следование событий друг за другом»; «в-третьих, *и тут* указывает не только на единство времени, но и на единство места, т. е. А1 и А2 не могут происходить в разных пространствах»; «наконец, *и тут* вводит элемент некоторой неожиданности второго события» (см. подробнее [Апресян, 2014, с. 19–22]). Имеющиеся иллюстрации полностью согласуются с данным описанием. См., например, использование *вдруг*, подчеркивающее неожиданность произошедшего, в следующем примере: *Потому что, кроме писем и извещений-похоронок, мы ничего не получали. Никто. И тут вдруг она посылку получает* (Поле-таева). Таким образом, в данном случае *тут* выступает в функции «маркера поворота в повествовании» (термин В. Ю. Апресян), т. е. используется для организации дискурса, выполняет дискурсивные функции.

Таким образом, анализ функционирования *тут* и *здесь* позволил увидеть, что для *тут* характерен более разнообразный репертуар значений, при этом доля употреблений *тут*, не являющихся собственно пространственными, значительна (почти половина – 59 из 130). У *здесь* гораздо меньший репертуар значений, абсолютное большинство употреблений являются пространственными. Вместе с тем для *тут*, в отличие от *здесь*, характерны функции, связанные с организацией дискурса: ситуативные значения, отсылающие к предшествующему/последующему контексту и позволяющие говорящему сегментировать дискурс, а также функция маркера поворота в повествовании.

Функционирование *там*

Обратимся к рассмотрению употреблений элемента дальнего дейксиса – единицы *там*. Анализ текстов интервью позволяет увидеть, что только в одном интервью пространственные употребления (*Чтобы создать... это был мощный завод с большим количеством э... народа, которые там работали*) составляют абсолютное большинство – 98 % (при этом количество употреблений *там* в данном интервью невелико – 18). Еще в одном тексте доля пространственных употреблений составляет 68 %. В оставшихся шести интервью количество подобных употреблений не превышает 50 %.

Одним из типов употреблений, не зафиксированном ни в одном из словарей, оказывается использование *там* в качестве анафорического элемента, отсылающего к непространственному antecedенту (т. е. в функции непространственной анафоры). Доля подобных употреблений невелика – 4,5 % от общего количества (11)–(14).

(11) Потом вот эти *осколки* забирали на переплавку, потому что был металл, наверное, хороший *там*, не знаю. Почему-то вот собирали мы осколки (Портяникова).

(12) Я хожу... ну к коммунистам пойду, *там* порядочные люди (Алексеев).

(13) И потом *в армии* когда было, я пропустил, *в армии* вот, *там* на электро-механика выучился (Черепанов).

(14) – А что входило в ваши обязанности во время работы? Ну основные самые.

– У меня *во время работы* что входило? Ну во-первых, *там* надо было поставить задачи, *там* иногда я сама какие-то... сама какую-то тему нащупывала, что вот это нужно сделать, для того чтобы, скажем, алюминиевые заводы лучше работали (Портянникова).

Интересно, что *там*, используемое в качестве анафора, видимо, не налагает никаких ограничений на тип антецедента: он может быть как предметным (11), так и событийным (13, 14). Следует отметить, что подобные употребления позволяют субъекту речи организовывать дискурс: маркировать кореферентность объектов и ситуаций.

Самой сложной для описания и классификации становится значительная группа употреблений (более 20 % от общего количества), выделяемая по остаточному принципу: *там* не осуществляет в данных примерах ни одну из названных выше функций (15), (16).

(15) И папа вскоре, значит... сначала счетоводом стал в каких-то *там* организациях (Васильева).

(16) То есть такого не было, как сейчас, что вот пьют *там* пиво, бро... бутылки бросают, всё... везде были урны (Жукова).

Для некоторой части подобных употреблений применимы дефиниции толковых словарей, см.: «3. Употр. в предложениях или словосочетаниях с разделительными союзами, а также после местоимений и местоименных наречий, преим. неопределенных, для придания оттенка сомнения или пренебрежения» [Ушаков]; «3. Употр. обычно при местоименных словах для придания оттенка несущественности, пренебрежения (разг.)» [СОШ]; «1. Употр. при заполнении паузы, возникшей при перечислении, внося оттенок неопределенности» [Ефремова, 2006]; «3. В сочетании с местоимениями и наречиями (чаще неопределенными) употребляется для усиления оттенка пренебрежения или сомнения, неопределенности; употр. при разделительном перечислении, усиливая представление о примерной возможности» [МАС].

Однако, как представляется, ни одно из словарных определений не позволяет полностью описать значение *там* в указанных контекстах. В большинстве дефиниций ключевым компонентом становится идея пренебрежения, однако в реальных контекстах она появляется нечасто. Особенно спорной кажется дефиниция, представленная в словаре Ефремовой, так как, как показывает анализ примеров, употребление *там* сопровождается паузой только в небольшом количестве случаев.

К рассмотрению подобных употреблений *там* обращалась еще Н. Ю. Шведова в своей работе «Очерки по синтаксису русской разговорной речи»: «Построения с частицей *там* обозначают отстранение чего-то как маловажного и второстепенного, часто – с оттенком скрытого пренебрежения» [Шведова, 1960, с. 145]. Однако при анализе функционирования *там* Н. Ю. Шведова использует примеры из литературных произведений, которые, как нам представляется, не могут отразить реальные употребления единицы в устной речи. Более широкое определение предлагает А. Д. Шмелёв в статье «Частица “там” как маркер несущественной детали»: «Синтаксическая структура или структура описываемой ситуации требует упоминания некоторой детали; при этом выбор детали или способа ее обозначения не существен и до некоторой степени произволен... имеет место своего

рода рецессия соответствующей детали, ее отведение на задний план» [Шмелёв, 2007, с. 211].

Проведенный анализ текстов интервью, однако, позволяет увидеть, что в данном случае возможна большая дифференциация употреблений, основанием для которой являются определенные контекстные показатели. Рассмотрим основные функции, выполняемые единицей *там* в каждом из случаев.

Маркирование неизвестности/неопределенности

В подобных контекстах *там* выступает в сочетании с неопределенными местоимениями, указывающими на то, что говорящий или не знает, или не может вспомнить какую-либо деталь (см. дефиницию в [МАС]: ‘в сочетании с местоимениями и наречиями (чаще неопределенными) употребляется для усиления оттенка пренебрежения или сомнения, неопределенности’) (17), (18).

(17) Тут тогда же у нас этим ветеранам все-таки какие-то поблажки были всю жизнь, вот. И им давали лекарства. И мы... у него тоже какой-то процесс шел, ему *какую-то* ампулу *там* с *каким-то* антибиотиком дали сильным, да (Портяникова).

(18) В общем, *что-то там* на крыше случилось, ну и *что-то там* накапало маленько (Полетаева).

На важную особенность употреблений подобного типа указывает А. Д. Шмелёв: «Частица *там* указывает на то, что неспособности вспомнить <...> точное содержание реплики не следует придавать какое-либо значение» [Шмелёв, 2007, с. 212]. Таким образом, употребление *там* свидетельствует о том, что субъект речи не знает / не может вспомнить некоторую деталь, но не считает ее значимой для повествования. Косвенным подтверждением этого является то, что субъекты в дальнейшем не стремятся вспомнить забытое слово, а продолжают дискурс.

Маркирование экземплификации

В ряде примеров *там* становится сигналом того, что некоторое слово/синтагма используется субъектом речи в качестве иллюстрации общего положения, озвученного раньше.

(19) Ну сейчас, может, здесь *где-то блат...* на работу *там* устроиться... еще что-то по знакомству (Портяникова).

(20) Причем за последнее время, я вот наблюдаю, вот *неуважение к взрослому*: они могут *перебить взрослого там*, что-то говорить и так далее (Жукова).

В [МАС] предложена следующая дефиниция, позволяющая описать подобные употребления: ‘употребляется при раздельном перечислении, усиливая представление о примерной возможности’. В этой дефиниции представляется не очень ясной формулировка «усиливать представление о возможности». Вместе с тем данное определение не позволяет сделать каких-либо выводов о типичном контексте употребления единицы *там* в описанной функции. Дискурсивный механизм использования *там* в функции маркера экземплификации, по всей видимости, следующий: говорящий сначала эксплицирует представление о некоторой обобщенной ситуации, а затем решает проиллюстрировать указанное положение вещей, маркируя пример/иллюстрацию с помощью единицы *там*.

Маркирование отчуждения

Там в подобных контекстах становится средством выражения отчуждения и в некоторых случаях одним из средств маркирования отрицательной оценки описываемой ситуации. На подобные употребления первым обратил внимание А. Б. Пеньковский: «*Там* – с его основным местоименно-наречным обстоятельственным значением ‘не здесь’, ‘не теперь’ (откуда далее ‘не в моем сознании’) – отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культурные и ценностные миры, куда от “я – здесь – теперь” можно перебраться только оценивающей мыслью. И если оценивающее сознание воспринимает “другое” как “чужое – плохое”, то принадлежащее ему *там* оказывается знаком отчуждения и – в силу отчуждения – знаком отрицательной оценки» [Пеньковский, 2004, с. 42].

(21) Ну вот так. Ну давайте *там* про перестройку. Что *там* про политику? (Портянникова)

(22) Это те, которые хорошо смогли *наскрести* из того, что нация создавала. Вот они и построили себе *там* дом Кузнеца, *там* дом Европы вот этот. Вот. Вот его хорошо, конечно, что восстановили как памятник архитектуры. А не потому что *там* какой-то дом. Чей он? Неизвестный дом. Вот (Алексеев).

(23) То есть о будущем не задумываются, сегодня вот они прожили, они себе *нахватали*, они своим потомкам *там* обеспечили всем, что надо, а дальше что будет, неизвестно. Вот (Жукова).

Отчуждение, маркируемое с помощью *там*, может быть, в частности, обусловлено временной удаленностью описываемого события (см. (21)). По всей видимости, пейоративность, часто появляющаяся в подобных контекстах отчуждения, является вторичной: она возникает как дополнительный к идее дистанцированности компонент и ее появление во многом определяется наличием ряда других элементов, выражающих отрицательную оценку (см. использование в примерах (22) и (23) лексем *наскрести* и *нахватать*, содержащих в своем значении прагматический компонент ‘отрицательное отношение говорящего к данному действию’). Подобные сложности при разграничении значения единицы и значения контекста вполне ожидаемы: «Многие ДС (дискурсивные слова. – А. Р.), в особенности частицы, могут полностью “сливаться” с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов» [Дискурсивные слова..., 1998, с. 9].

Маркирование дискурсивных затруднений

Анализ употреблений также позволил выявить ряд контекстов, где за *там* (чаще всего в сочетании с *это* или *этот*, выступающими в функции маркеров препаративной замены; см. подробнее [Подлеская, 2006; Подлеская, Хуршудян, 2006]) следует пауза, по всей видимости необходимая говорящему для поиска формы/содержания нового отрезка дискурса (24), (25).

(24) Если родители обеспечены, оттого что одна мама *там*... *это*... и всё, и лишили стипендии, потому что мама была обеспечена. Безобразия, конечно (Портянникова).

(25) А если бы он их со всеми проводил, если бы он со всеми за детьми, да, *там*... эээ... за детей болел, да, с ними работал, естественно, он никогда бы не стал снимать этот пистолет и не стал бы в детей стрелять (Жукова).

Использование *там* в качестве одного из маркеров хезитации не зафиксировано в словарях, однако значение, близкое к рассматриваемому, выделяет И. Б. Ле-

вонтина, описывая *там* как «частицу припоминания», используемую в вопросах [Левонтина, 2011]: общей в данном случае становится идея недоступности необходимой информации, ее ментального поиска.

Маркер несущественной детали

Кроме рассмотренных выше употреблений, можно выделить еще одну немногочисленную группу: в ряде контекстов *там* маркирует несущественность некоторой информации для адресата. Говорящий тем самым сигнализирует: упоминание данной детали не имеет никакого значения для дальнейшего повествования. Как представляется, именно такой тип употреблений *там* следует назвать маркером несущественной детали (26).

(26) Нигде это не опубликовано, хотя я сделал э... ну... доклад на защите. Там послушали математики, они далекие все от, значит, от физики и как-то все это мимо прошло, хотя отметили, что работа уникальная и надо ее опубликовать в журнале. Ну и оставили мне место в журнале, конечно, в университетском, в альманахе *там*. Ну я так и не опубликовал, потому что... ну жена померла, сложности были, и другая жена была *там* (Алексеев).

Просодические характеристики *там*

Если для определения типа употребления единиц *тут* и *здесь* в абсолютном большинстве примеров достаточно контекстных показателей, то для *там* разграничение пространственных и непространственных контекстов в ряде случаев становится проблемой.

(27) А потом я работала. Значит, кончила, меня должны были взять на работу в геологоуправление в эту... в Якутию. Вот. А у них *что-то там* не сложилось, и они мне вызов не прислали (Портянникова).

В (27) наличие в ближайшем контексте пространственного antecedента и неопределенного местоимения не позволяет сделать однозначных выводов о пространственном/непространственном значении единицы.

Единственным основанием для дифференциации в данном случае становятся просодические свойства единицы. Корреляция между просодическими характеристиками лексемы и ее значением рассматривается в ряде лингвистических исследований [Николаева, 1985; Апресян, 1995; Кодзасов, 2009]. Наиболее подробно просодические особенности незначительной лексики описаны в работах С. В. Кодзасова, где он выделяет три группы просодических характеристик: собственно интонационные (тон, длительность), акцентные (размещение фразового акцента, степень выделения, паузация) и акцентно-артикуляционные (полное/редуцированное произношение слова). В рамках данного исследования нас интересуют только акцентные характеристики единицы *там*.

Анализ примеров позволил установить относительно устойчивую корреляцию (нарушение которой может быть обусловлено некоторыми факторами, рассмотренными ниже): просодически выделенные варианты, как правило, являются анафорами (пространственными или непространственными), невыделенные – маркерами неопределенности, дискурсивных затруднений, пейоративности, несущественной детали или экземплификации. Наличие/отсутствие акцента определяется на основе совокупности фонетических характеристик, одной из ключевых при этом является интенсивность произнесения, измеряемая с помощью осциллограммы. Для построения осциллограммы мы использовали программу Speech An-

alyzer. Ср. осциллограммы³ фрагментов (28) и (29), где *там* используется в функции пространственной анафоры (рис. 1, 2).

(28) Байкальский проспект нужно было б назвать проспектом Трубецкой или Волконской. **Там, там** портреты их в начале (Алексеев).

(29) Осваивал Дагестан, там нефть нашли, вот. *И русские там* болели, потому что климат такой, что местные малярией не болеют, а русские болеют (Алексеев).

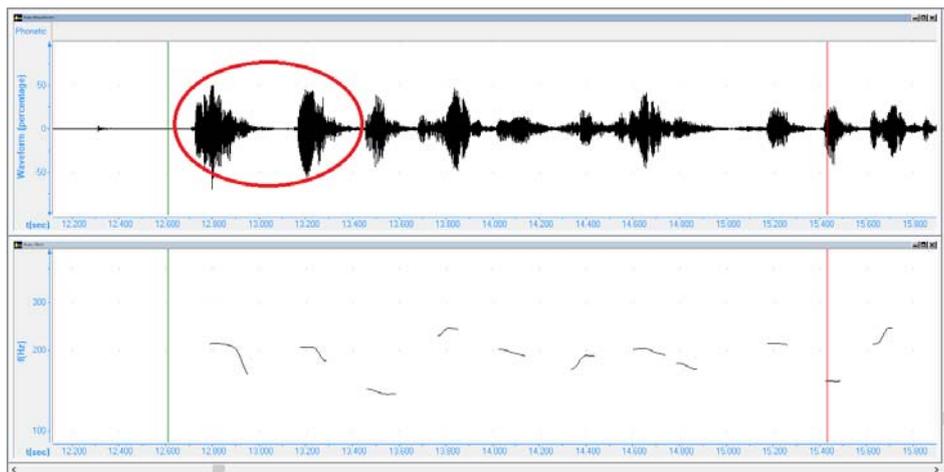

Рис. 1. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы «там, там портреты их в начале» (28)
Fig. 1. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase «tam, tam portrety ikh v nachale» (28)

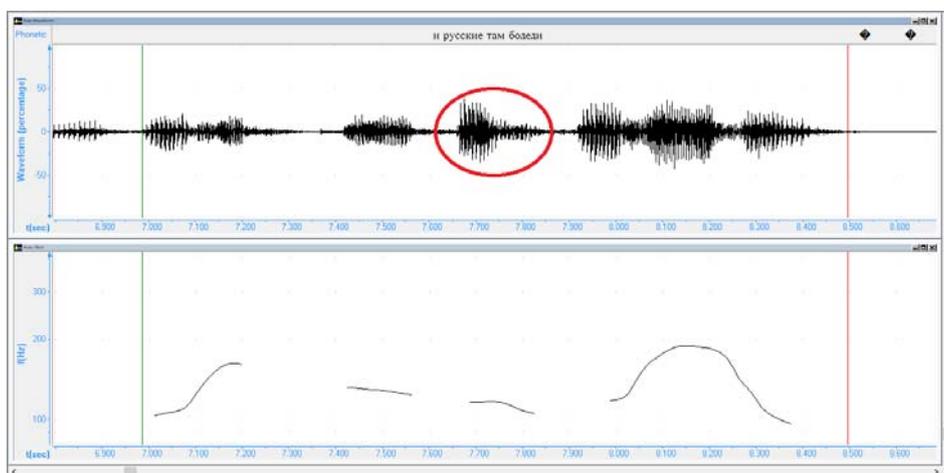

Рис. 2. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы «и русские там болели» (29)
Fig. 2. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase «i russkie tam boleli» (29)

³ На осциллограммах представлено графическое отражение интенсивности произношения фрагментов, данных в примерах курсивом. Выделенные отрезки осциллограмм соответствуют произнесению частицы *там*.

Осциллограммы позволяют увидеть, что пространственное *там* в большинстве случаев произносится с относительно высокой интенсивностью. Однако ряд факторов может снижать интенсивность произношения: в примере (30) таким фактором становится дыхание говорящего, у которого во время произнесения второго *там* практически заканчивается воздух, и сразу после произнесения единицы он вынужден сделать паузу для вдоха

(30) На второй год поехала в Питер. И там осталась, ну *там* осталась, она *там*... на дневное, на... она поперлась, знаешь, на факультет... (Портянникова)

Именно это и обуславливает относительно низкую интенсивность произнесения второго *там* в этом примере (рис. 3).

Рассмотрим осциллограммы не анафорических употреблений *там* (примеры (31), (32); рис. 4, 5).

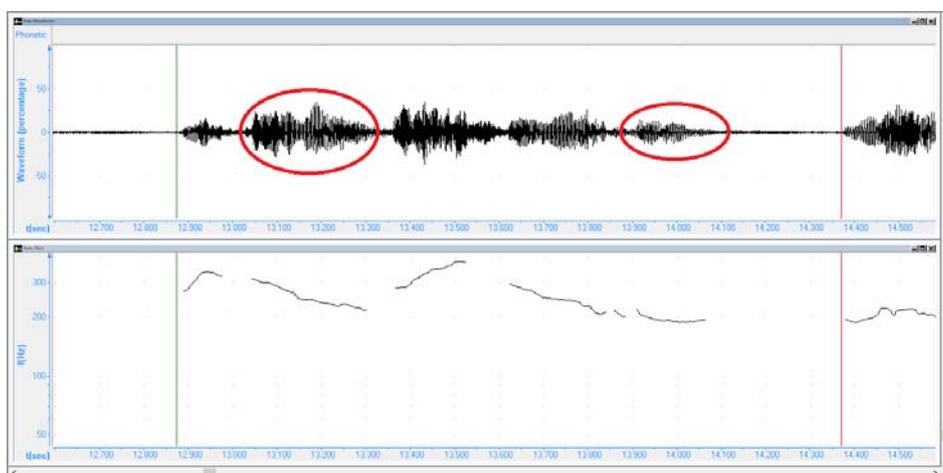

Рис. 3. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы «ну там осталась, она там...» (30)

Fig. 3. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase «nu tam ostalas', ona tam...» (30)

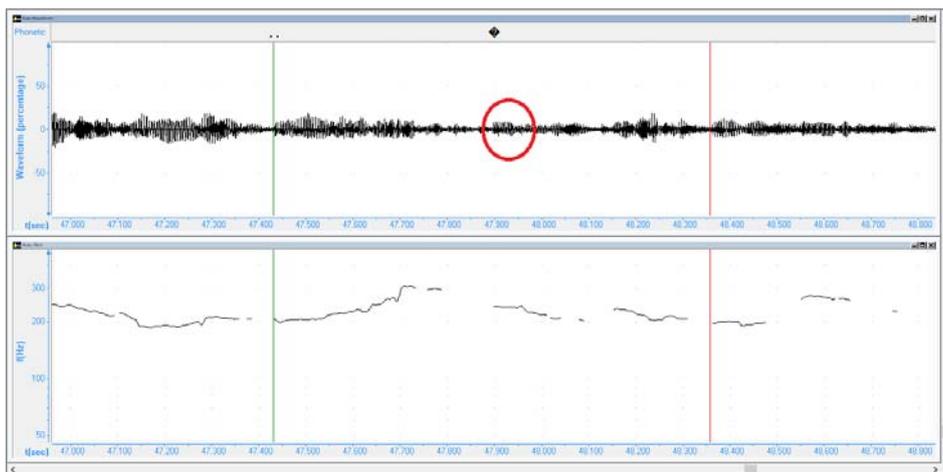

Рис. 4. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы «на работу там устроиться» (31)

Fig. 4. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase «na rabotu tam ustroit'sya» (31)

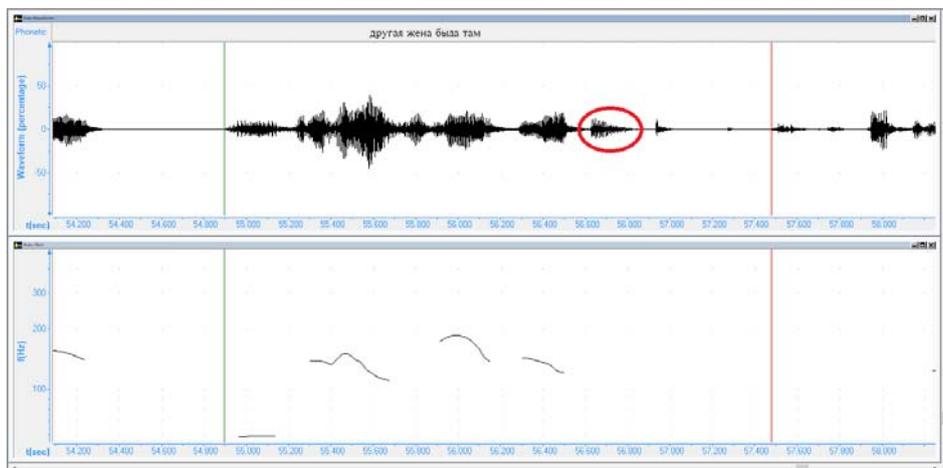

Рис. 5. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы «другая жена была там» (32)
 Fig. 5. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase «drugaya zheni byla tam» (32)

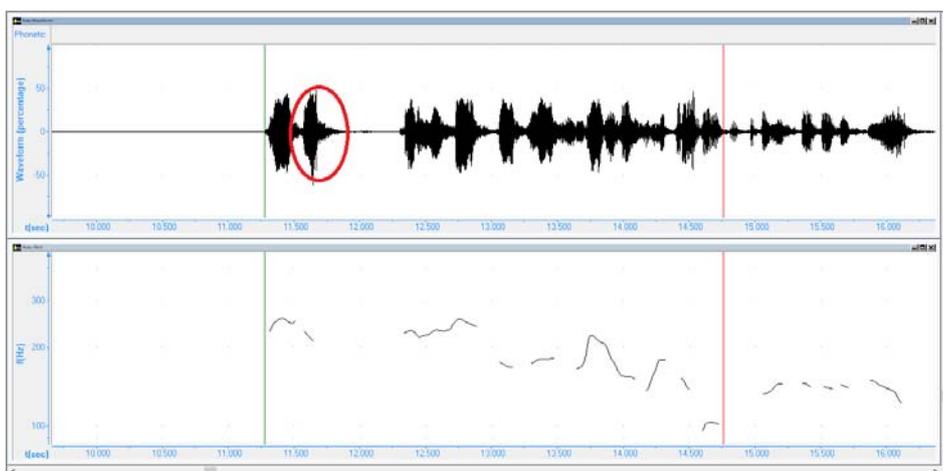

Рис. 6. Осциллограмма интенсивности произнесения фразы
 «ну там Карла Маркса и Ленина уж не трогал бы» (33)
 Fig. 6. Waveform of the pronunciation intensity of the phrase
 «nu tam Karla Marksa i Lenina uzh ne trogal by» (33)

(31) Ну сейчас, может, здесь где-то блат... на работу **там** устроиться, еще что-то по знакомству (Портянникова).

(32) Ну я так и не опубликовал, потому что... ну жена померла, сложности были, и *другая жена была там* (Алексеев).

Неакцентированные употребления *там* на осциллограмме отображаются как участки с низкой интенсивностью (см. рис. 5). Однако в некоторых подобных случаях *там* может произноситься с высокой интенсивностью. См., например, следующий контекст (33), осциллограмма которого представлена на рис. 6.

(33) Я бы не стал восстанавливать, а я бы стал... хорошие улицы взял бы называл бы женскими декабристскими именами. Вот что бы я сделал! Ну **там** Карла

Маркса и *Ленина* уж не трогал бы, потому что это такие величины исторические, которые трогать лучше не надо (Алексеев).

Как позволяет заключить анализ контекстно-семантических показателей, в (33) *там* является маркером экземплификации: общее утверждение (*это такие величины исторические, которые трогать лучше не надо*) иллюстрируется примерами названий улиц, носящих имена наиболее значимых, по мнению говорящего, исторических деятелей (*Ну там Карла Маркса и Ленина уж не трогал бы*). Специфика данного контекста заключается в том, что иллюстрация, маркируемая с помощью *там*, предшествует тезису и следует за экспликацией желаниа субъекта переименовать ряд улиц (*хорошие улицы взял бы назвал бы женскими декабристскими именами*). Таким образом, в данном случае конструкция *Ну там Карла Маркса и Ленина уж не трогал бы* противопоставлена предшествующему утверждению. Подобный контекст в сочетании с позицией маркера в начале синтагмы и обуславливает акцентированность *там*.

Таким образом, анализ данных осциллограмм позволяет зафиксировать относительно устойчивые просодические различия (связанные с интенсивностью произношения единицы) между анафорическими (пространственными и непространственными) употреблениями и употреблениями других типов. Вместе с тем определение функции единицы только на основании интонационной составляющей высказывания невозможно, так как в отдельных случаях интенсивность произношения может зависеть от формально-синтаксической структуры фрагмента дискурса, а также от ряда экстралингвистических факторов.

Анализ функционирования *тут*, *здесь* и *там* позволяет увидеть, что репертуары типов употреблений данных единиц не совпадают, при этом количество употреблений каждого типа также неодинаково. Для *здесь* характерны почти исключительно пространственные употребления, когда как *тут* и *там* в половине случаев получают непространственную интерпретацию. Большая часть примеров с *тут* – временные и ситуативные контексты, вместе с тем в ряде случаев данная единица может выполнять дискурсивные функции (в этом случае она позволяет говорящему осуществлять организацию и контроль дискурса): отсылать к предшествующему контексту, выступать маркером поворота в повествовании. Подобные употребления, однако, немногочисленны. Для *там* относительно частотной является функция непространственной анафоры, не зафиксированная в словарях; также данная единица активно используется как средство маркирования различных дискурсивных оценок и сигналов говорящего: неизвестности или несущественности эксплицируемой информации, отчуждения от описываемой ситуации, необходимости паузы для припоминания слова/фразы, использования информации в качестве иллюстрации какого-либо общего положения. Таким образом, *тут* и *там* (причем *там* – в значительном количестве случаев) в устном дискурсе могут приобретать дискурсивные функции. Вместе с тем в ряде случаев дифференциация различных типов употреблений *там* возможна только на основании просодических критериев.

Список литературы

- Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас: о временных значениях дейктических пространственных слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9–41.
- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–32.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

- Гришина Е. А.* Здесь и тут: корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1(23). С. 39–71.
- Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2006.
- Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
- Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.
- Кодзасов С. В.* Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.
- Левонтина И. Б.* Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык: Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 269–278.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. 169 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. 488 с.
- Подлеская В. И.* О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Материалы III конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Нестор – История, 2006. С. 189–210.
- Подлеская В. И., Хуришудян В. Г.* О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 429–440.
- Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–50.
- СОШ – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 378 с.
- Шмелёв А. Д.* Частица «там» как маркер несущественной детали // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 208–215.

A. A. Racheva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, alexandracheva@yandex.ru

The deictic units «zdes'» (here), «tut» (here) and «tam» (there) in oral speech: marking of discursive processes

The paper focuses on the study of the functioning of deictic units with spatial semantics «zdes'», «tut» and «tam» in oral discourse. The work involves text materials from in-depth inter-

views recorded for «Oral history of Irkutsk» project. The main goal is to identify which types of oral discourse usages applied to deictic units are essential and which are peripheral. The prototypical function of these units is traditionally considered as a reference to space, while in narrative mode, they are often used as an anaphora that refers to a spatial antecedent. The analysis of the interview texts revealed that the functions' repertory is not limited to only these two types; moreover, they do not always form the absolute majority of uses. It has been found that «zdes'» (here) is characterized by almost exclusive spatial uses while the use of the other types is minimal. The spatial interpretation for «tut» (here) is possible only in half of all cases: in oral discourse, this unit often has a temporary or situational meaning. However, «tut» (here) often leads to a greater meaning diversity than «zdes'» (here). In some cases, «tut» can act as a means to organize a narrative that is to perform a discursive function. «tam» (there) is also used half the time with reference to a spatial antecedent. In some cases, the differentiation of spatial and non-spatial uses of «tam» (there) is possible only when based on prosodic criteria. There is about 20 % of non-spatial uses where «tam» (there) is used as an anaphora that refers to the non-spatial antecedent. In addition, this unit is actively used as a means of marking of various discursive processes associated with the evaluation of speaking information: uncertainty or insignificance of explicate information, negative attitude to the described situation, the need to pause to recall the words/phrases, the uses which can be characterized by specific of this information to illustrate a common situation. Thus, in oral discourse, «tut» and «tam» (especially «tam» in most cases) may have discursive functions related to the organization of the narrative.

Keywords: discourse, oral speech, oral discourse, deictic units, discursive functions.

DOI 10.17223/18137083/65/23

References

- Apresyan V. Yu. Tut, zdes' i seychas: o vremennykh znacheniyakh deykticheskikh prostranstvennykh slov [Tut, zdes' and seychas: on the temporal meanings of deictic spatial words]. In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian language in scientific attention]. 2014, no. 27, pp. 9–41.
- Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika*. Moscow, 1986, iss. 28, pp. 5–32.
- Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy: V 2 t. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: in 2 vols. Vol. 2: An integral description of language and systemic lexicography]. Moscow, LRC Publ. House, 1995, vol. 2, 767 p.
- Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis* [The human factor in the language. Communication, modality, deixis]. T. V. Bulygina (Ed.). Moscow, Nauka, 1992, 280 p.
- Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive Russian words: the experience of context-semantic description]. K. L. Kiseleva, D. Payar (Eds). Moscow, Metatekst, 1998, 447 p.
- Efremova T. F. *Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka: V 3 t.* [Modern explanatory Russian dictionary: in 3 vols]. Moscow, AST, Astrel', Kharvest, 2006.
- Grishina E. A. Zdes' i tut: korpusnoy i zhestikulyatsionnyy analiz polnykh sinonimov [Zdes' and tut: corporal and gestural analysis of complete synonyms]. *Russian Language and Linguistic Theory* ("Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii". 2012, no. 1(23), pp. 39–71.
- Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genres and other parameters of discourse classification]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2009, no. 2, pp. 3–21.
- Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)* [Essays on general and applied questions of linguistics (universal, typical and language-specific)]. Moscow, MSU Publ., 1992, 336 p.
- Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii* [Research of the Russian prosody]. Moscow, LRC Publ. House, 2009, 496 p.
- Levontina I. B. Chastitsy peresprosa i pripominaniya [The particles of echo questions and the anamnesis]. In: *Slovo i yazyk: Sb. st. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresyana* [Word and language. A collection of articles on the 80th anniversary of Academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, LRC Publ. House, 2011, pp. 269–278.

Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [The particle functions in utterance]. Moscow, Nauka, 1985, 169 p.

Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vyp. 2 [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Iss. 2]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, LRC Publ. House, 2000, 488 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Russian dictionary]. Moscow, Az", 1992, 908 p.

Pen'kovskiy A. B. O semanticheskoy kategorii "chuzhdosti" v russkom yazyke [On the semantic category of "alienness" in the Russian language]. In: *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian semantics]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, pp. 13–50.

Podlesskaya V. I., Khurshudyan V. G. O leksicheskikh markerakh khezitatsii v spontannoy rechi: uroki armyanskogo [On the lexical markers of hesitation in spontaneous speech: Armenian lessons]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Tr. mezhdunar. konf. "Dialog 2006"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Tr. intern. conf. "Dialogue 2006"]. Moscow, RSUH, 2006, pp. 429–440.

Podlesskaya V. I. O grammatikalizatsii i "pragmatizatsii" markerov rechevogo zatrudneniya: fenomen preparativnoy podstanovki [On the grammaticalization and "pragmatization" of speech difficulty markers: the phenomenon of preparative substitution]. In: *Materialy III konf. po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley* [Proceedings of the 3rd conf. on typology and grammar for young researchers]. St. Petersburg, Nestor – Istoriya, 2006, pp. 189–210.

Shmelev A. D. Chastitsa "tam" kak marker nesushchestvennoy detali [Particle "tam" as minor detail marker]. In: *Yazyk kak materiya smysla: Sb. st. k 90-letiyu akad. N. Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning: Coll. of art. to the 90th anniversary of Academician N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik, 2007, pp. 208–215.

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian spoken language]. Moscow, AN SSSR, 1960, 378 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. 2nd ed., rev. and upd.]. A. P. Yevgenyeva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1981–1984.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vols]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., OGIZ, 1935–1940.